

М. В. Хоружая

Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации)

Исследования захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса (могильники у с. Верхний Салтов, Старый Салтов, Рубежное)¹ позволяют говорить о существовании у аланского населения деления детей по возрастным категориям. При этом следует учитывать, что спецификой детских захоронений является или наличие в них минимального количества инвентаря, или же его полное отсутствие. Как и в большинстве традиционных обществ это было обусловлено теми воззрениями, что младенцам и детям до определенного возраста (чаще всего до 5–6 лет) вещи хозяйственно-бытового назначения на том свете не нужны, ибо они при жизни еще не научились ими пользоваться [1, с. 165], а также, что дети, пришедшие как бы с того света еще не укрепились в мире людей и могут быть в любое время забраны обратно. Однако по мере своего взросления они все больше привязываются к миру людей [2, с. 49], что и находит отражение в расширении со временем набора вещей, которыми они пользуются. Поэтому деление на половозрастные группы в катакомбных захоронениях Верхнего Салтова находит свое зримое отражение в первую очередь в наборе личных украшений, и во вторую — в наличии предметов хозяйственно-бытового назначения.

Для обработки были использованы материалы 85 погребений из 61 катакомбных захоронений (РМ — 2 катакомбы, ССМ — 4 катакомбы, ВСМ-III — 3 катакомбы, ВСМ-I — 30 катакомб, ВСМ-IV — 22 катакомбы) (табл. 1). Не во всех захоронениях костные останки детей отличались хорошей сохранностью, что обусловлено как естественными причинами, так и тем фактором, что в часть погребальных камер в древности было совершенно преднамеренное проникновение, в результате которого костяки частично или полностью разрушались [3, с. 98–114]. При этом необходимо учитывать и то, что антропологические исследования зачастую данных погребальных комплексов не производились, и мы опираемся на наблюдения авторов раскопок, сделанные в ходе исследования самих захоронений.

Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие в захоронениях могильника костяков детей в возрасте до года. Вероятно, что умерших новорожденных и детей в возрасте до года население Верхнего Салтова хоронило отдельно, не на могильнике и по особому обряду. К примеру, как свидетельствуют этнографические материалы, во многих традиционных обществах умершие дети в возрасте от рождения и до появления первых зубов (6–8 месяцев) хоронились не на кладбище, и не так как взрослые

¹ В тексте предлагаются следующие сокращения: Старо-Салтовский могильник — ССМ, Рубежанский могильник — РМ, Верхне-Салтовский I могильник — ВСМ-I и соответственно ВСМ-III и ВСМ-IV.

Инвентарь детских погребений из катакомбных захоронений
Верхне-Салтовского археологического комплекса

№ кат./погр. (могильник)	Возраст	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
№ 2/1 (ВСМ-I)	3-5	+																						
№ 2/3 (ВСМ-I)	3-5	+			+					+			+											
№ 2/4 (ВСМ-I)	8-10	+												+										
№ 4/1 (ВСМ-I)	2-4	+		+																				
№ 11/2 (ВСМ-I)	3-5	+		+									+											
№ 14/2 (ВСМ-I)	6-8	+		+									+											
№ 14/3 (ВСМ-I)	3-5	+																						
№ 16/3 (ВСМ-I)	5-7	+											+											
№ 17/3 (ВСМ-I)	2-3	+		+																				
№ 18/2 (ВСМ-I)	3-4	+		+									+											
№ 29/3 (ВСМ-I)	3-5	+											+											
№ 32 (ВСМ-I)	2-3	+		+																				
№ 34 (ВСМ-I)	1-2	+									1													
№ 38/2 (ВСМ-I)	3-5	+											+								+			
№ 39/1 (ВСМ-I)	3-4	+																						
№ 39/2 (ВСМ-I)	3-5	+																						
№ 44/1 (ВСМ-I)	3-5	+		+							2		+											
№ 44/3 (ВСМ-I)	3-4	+		+									+											
№ 45 (ВСМ-I)	2-3	+											+											
№ 52/2 (ВСМ-I)	3-4	+		+																				
№ 53 (ВСМ-I)	1-2	+																						
№ 64/2 (ВСМ-I)	3-5	+											+											
№ 4 (ВСМ-III)	3-5	+									1													
№ 9/3 (ВСМ-III)	2-3	+																						
№ 2/1 (ВСМ-IV)	10-13	+		+									+									+		
№ 2/2 (ВСМ-IV)	3-4	+		+									+											
№ 32 (ВСМ-IV)	2-3	+		+																				
№ 94/2 (ВСМ-IV)	1-2	+		+							1													

покойники — в пне срубленного дерева, на деревьях в лесу [4, с. 13; 5, с. 231; 6, с. 92]. Появление у детей первых зубов, а, следовательно, и приобщение его к пище взрослых людей, означало появления у ребенка статуса человека. У многих народов умершего ребенка хоронили также как и взрослых на семейном кладбище, если он к тому моменту уже самостоятельно бойко ходил по земле, т. е. с 1–1,5 лет [7, с. 220; 8, с. 75], а до этого дети не имели вообще никакого статуса [9, с. 140].

Погребения детей в возрасте от года до 3 лет представлены 25 костяками (табл. 1), зачастую очень плохой сохранности. Довольно часто погребения детей этого возраста в катакомбах Верхнего Салтова фиксируются только по фрагментам черепа и многочисленным молочным зубам (рис. 1: 1, 20, 27). Так, в катакомбах № 34 и № 35 ВСМ-IV детские скелеты были представлены только фрагментами черепов и молочными зубами [10, с. 2, 3]. В катакомбе № 9 ССМ останки ребенка были представлены только костным тленом и фалангой пальца [11, с. 28]. Костяк ребенка 1–2 лет (№ 1), располагавшийся у торцевой стенки катакомбы № 100 ВСМ-IV, подвергся разрушению, при этом череп ребенка в раздавленном виде был обнаружен в 0,6 м от своего первоначального местонахождения [12, с. 55]. Поэтому вероятно, что в некоторых случаях погребения детей в возрасте до 3-х лет могли быть просто не зафиксированными вследствие плохой сохранности костяка. Погребения детей этого возраста отличает или полное отсутствие погребального инвентаря, или наличие немногочисленных (единичных) украшений, выполнявших роль оберегов-амулетов. Так, например, в захоронении младенцев инвентарь представлен отдельной бусиной (кат. № 9 ССМ), одним/двумя бубенчиками (кат. № 35 ВСМ-IV, кат. № 6, 48/2 ВСМ-I), низкой бус (рис. 1: 6–19, 21–26, 28), среди которых преобладает синий и желтый бисер (кат. № 4/1, 17/3, 32 ВСМ-I, № 34, 100/1 ВСМ-IV), подвеской-оберегом из клыка животного (кат. № 34 ВСМ-I) (табл. 1). Объяснением этому может служить тот факт, что в традиционных обществах ребенок до 3–4 лет находится почти постоянно с матерью, что частично было связано с режимом питания (докармливание грудью, иногда даже после того, как мать начинала кормить другого новорожденного) [6, с. 85; 8, с. 66; 13, с. 129], и таким образом был под «покровительством» надетых на матери личных амулетов-оберегов и защитой семейных духов-охранителей [14, с. 149].

Что касается пола ребенка, то в погребениях детей этой возрастной категории определить его по инвентарю в большинстве случаев не представляется возможным (рис. 2). По этнографическим данным (даже еще в XIX в.) у многих народов мира, в том числе и у алан, дети до 4–5 лет рассматривались как бесполое существа [15, с. 54], в следствии чего девочек и мальчиков воспитывали вместе, а их одежда не имела существенных половых различий [16, с. 196]. При этом независимо от пола, детям надевали первые украшения и амулеты, количество которых напрямую зависело от состояния здоровья детей и их количества в семье [17, с. 183]. С большей или меньшей степенью вероятности, пол ребенка в отдельных случаях может быть определен только благодаря присутствию среди инвентаря вещей, встречающихся в захоронениях взрослых индивидов определенного пола. Так на принадлежность к женскому полу указывает наличие в захоронении детей до трех лет бронзовой бляшки-нашивки на головной убор (рис. 2: 18), налобной ленты (кат. № 94/2 ВСМ-IV) [18, с. 16, илл. 1, 7] или перламутрового диска из раковины моллюска (кат. № 68/4 ВСМ-I) [19, табл. IXXIV, 1: 4]. Как свидетельствуют материалы аланского населения Северного Кавказа, круглые бляшки-нашивки украшали головную ленту девочек, уже прошедших обряд инициации, но не достигших еще брачного возраста (т. е. 12–14 лет) [20, с. 7, 62]. Пряжки-пуговицы из раковины являются довольно частой находкой в погребениях девушек-подростков и молодых женщин из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса (например: кат. № 16 РМ; № 111/2 ВСМ-IV) [21, рис. 6: 46, 47; 22, с. 23, рис. 37: 13, 14]. Диски из перламутра украшали наkosные украшения девочек тувинцев и теленгиров, после достижения ими 5–6 летнего

возраста [23, с. 169]. По-видимому, и круглые бронзовые бляшки-нашивки, и перламутровые (из раковины) пряжки-пуговицы в семантическом плане следует рассматривать как символ богини подательницы жизни. Рассматривать вышеупомянутые изделия в данном контексте, как нам представляется, позволяют данные этнографии. Так, подобные круги и кольца, вырезанные из рыбьей кожи или бересты (белый цвет), у нанайцев считались символом солнца/луны — богини плодородия и подвешивались над колыбелью, если ребенок проявлял беспокойство ночью/днем, а затем включались и в состав комплексных амулетов (связок) детей [24, с. 84, 85, рис. 4]. Поэтому по этнографическим данным, в традиционных культурах в семьях, где не выживали мальчики, мальчика одевали как девочку, но в отличие от девочки сережку вдевали только в одно, левое, ухо [7, с. 210; 13, с. 123;]. Как погребение мальчика, вероятно, следует трактовать захоронение № 1 в катакомбе № 100 (ВСМ-IV). На это указывает обнаруженная при ребенке единичная бронзовая проволочная серьга в виде простого колечка, тогда как девочку (кат. № 29/3 ВСМ-IV) сопровождала пара сережек (рис. 2: 19, 20).

В захоронениях детей в возрасте от 3–4 до 9–10 лет количество погребального инвентаря увеличивается (табл. 1) (рис. 3). Чаще встречаются вещи, характерные для убора взрослых — серьги (например: кат. № 5/5, 14/2, 14/3, 15/3, 15/4, 24/5, 29/3, 36/3, 36/4, 38/ 2, 39/1, 44/1, 64/2 ВСМ-I; № 5/2 РМ; № 29/1, 29/3, 30/2, 72/1, 72/2, 72/3, 78/1, 78/4, 78/5, 96/3, 99/2, 107/5 ВСМ-IV), браслеты (например: кат. № 19/1 ВСМ-III; № 5/1, 15/3, 15/4, 24/5, 68/2 ВСМ-I; № 30/2, 31/2, 72/2, 72/3, 72/4, 96/3, 99/2, 107/4, 107/5, 116/2 ВСМ-IV; № 1/2 РМ), перстни/кольца (кат. № 15/4, 64/2 ВСМ-I; № 2/1, 30/2, 96/3 ВСМ-IV). Также появляются предметы хозяйственно-бытового назначения — ножи (кат. № 36/3, 39/1 ВСМ-I; № 2/1, 30/2, 72/2, 96/3, 98/1 99/2 ВСМ-IV), ботало (кат. № 36/4 ВСМ-I), копоушка (кат. № 98/1 ВСМ-IV), топорик-чекан (кат. № 96/3 ВСМ-IV) (рис. 5: 7). Соответственно, становится возможным уже с большей долей вероятности установить пол ребенка. Как уже упоминалось выше, для погребений девочек характерны бляшки-нашивки на головную ленту (кат. № 16/3, 44/1, 60/1, 64/2 ВСМ-I; № 3/1, 17/2 ССМ; № 5/1 РМ; № 2/1, 29/2, 30/2, 78/5, 107/5, 116/2, 119/2 ВСМ-IV), пара сережек (например: кат. № 119/2). Погребения мальчиков содержат одну сережку — например: катакомбы № 72/2, 96/3, № 99/2 ВСМ-IV (рис. 3: 7; 5: 2). Предметы поясной гарнитуры характерны только для погребений мальчиков (кат. № 77/2, 99/2 ВСМ-IV) (рис. 3: 14, 15; 4: 35–40; 5: 17), то же касается ворворок в виде усеченной четырехгранной пирамиды (кат. № 96/3, 99/2 ВСМ-IV) (рис. 5: 15). Пряжки-пуговицы из раковины (кат. № 3/1, 17/2 ССМ; № 5/1 РМ; № 16/3 ВСМ-I; № 78/1, 99/2 ВСМ-IV) встречаются в погребениях как мальчиков (рис. 4: 10), так и девочек.

На существование у аланского населения Верхнего Салтова перехода в иную возрастную группу в возрасте 3–4 года указывают антропологические материалы ВСМ-IV, которые свидетельствуют о наличии маркеров эпизодического стресса у мужчин, женщин и детей в возрасте 3–3,5 лет [25, с. 130], что связано со сменой рациона питания (переход от вскармливания грудным молоком да пищу взрослых людей).

Для костюма детей, вне зависимости от пола, характерно присутствие различных амулетов-оберегов (металлических, из кости, камня), количество которых, по-видимому, связано с болезненностью ребенка. При костяке присутствует один (кат. № 4 ВСМ-III; № 18/2 ВСМ-I; № 3/1, 19/2 ССМ; № 5/1 РМ; № 29/1, 31/2, 78/1, 107/5, 107/6 ВСМ-IV), два (кат. № 36/3, 44/1 ВСМ-I; № 78/4, 78/5, 96/3, 119/1 ВСМ-IV), три (кат. № 24/5 ВСМ-I), четыре (кат. № 15/4 ВСМ-I), пять (кат. № 30/2 ВСМ-IV) и шесть (кат. № 99/2 ВСМ-IV) амулетов (табл. 1). В рассматриваемых захоронениях представлены типы амулетов, хорошо известные в салтово-маяцких древностях. Это — кльки и когти хищных животных (кат. № 34 ВСМ-I, № 99 ВСМ-IV) (рис. 4: 13); бронзовые имитации когтей животных (кат. № 15/4, 36/3 ВСМ-I, № 99/2 ВСМ-IV) (рис. 4: 4); бронзовая

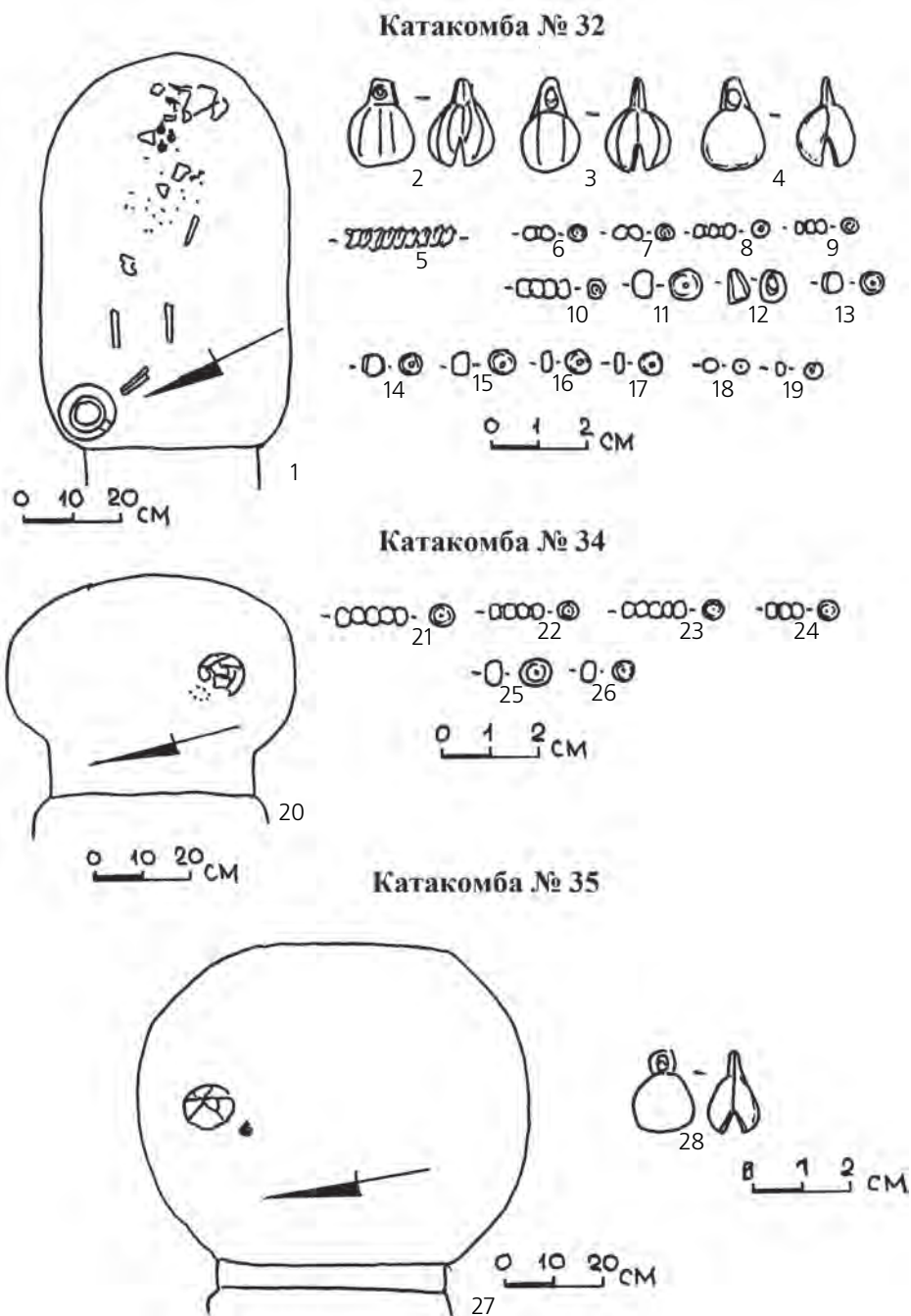

Рис. 1. Катакомбы ВСМ-IV с погребениями детей в возрасте 1–3 лет:

1–19 – план погребальной камеры и инвентарь катакомбы № 32; 20–26 – план погребальной камеры и инвентарь катакомбы № 34; 27–28 – план камеры и инвентарь катакомбы № 35

Fig. 1. Catacombs of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV with graves of children of 1 – 3 years old: 1–19 – a plan of the burial chamber and inventory of the catacombs No. 32; 20–26 – a plan of the burial chamber and inventory of the catacombs No. 34; 27–28 – a plan of the chamber and inventory of the catacomb No. 35

имитация челюсти хищного животного (кат. № 4 ВСМ-III); камни с просверленными в них отверстиями (кат. № 19/2 ССМ; № 30/2 ВСМ-IV); ракушки-каури (кат. № 18/2 ВСМ-I); солярные амулеты колесовидного типа и с соколиными головками (кат. № 5/1 РМ, № 44/1 ВСМ-I, № 30/2, 31/2, 78/1, 78/5 ВСМ-IV); подвески-лунницы (кат. № 36/3 ВСМ-I, № 29/1 ВСМ-IV) (рис. 2: 3); подвески с протомами животных (кат. № 15/4 ВСМ-I, № 96/3 ВСМ-IV) (рис. 5: 16); пуговицы-зеркальца (кат. № 30/2, 78/4 ВСМ-IV); подвески, изображающие стебель растения (кат. № 78/4, 78/5, 107/5, 107/6 ВСМ-IV); изображения тотемных животных (кат. № 99/2 ВСМ-IV) (рис. 4: 14); крестовидные подвески (кат. № 15/4 ВСМ-I, № 30/2, 94/2 ВСМ-IV); натальный крестик (кат. № 99/2 ВСМ-IV) (рис. 4: 12), в также дарохранительницы (туалетные корбочки) (рис. 4: 16; 5: 18), содержавшие, вероятно, обереги органического характера. Почти в каждом детском захоронении присутствуют бронзовые литые и штампованные бубенчики, которые предназначены были выполнять не только утилитарную функцию — пуговицы на одежде, но и отгонять своим звоном злых духов, что характерно для многих народов мира [8, с. 67].

В ряде детских погребений этой возрастной группы были обнаружены астрагалы (бабки из ног коз или овец) (кат. № 11/2, 16/3, 36/3 ВСМ-I, № 29/2, 72/1, 72/2, 96/3, 98/2, 116/2 ВСМ-IV) (рис. 3: 4–6, 16–19; 4: 41; 5: 3). По мнению исследователей, астрагалы связаны с наиболее архаичным пластом в традиционной культуре многих народов. При этом они не только символизируют само сакральное животное (по принципу *pars pro toto*), но и используются в качестве амулетов-оберегов против враждебных человеку сил, подчеркивая тесную связь человека с животным-покровителем и живой природой вообще [26, с. 238, 239]. Часть из них имели просверленные отверстия для подвешивания и выполняли роль своеобразных оберегов. Астрагалы без отверстий, как свидетельствуют данные этнографии, могли использоваться в качестве игрушек, в процесс игры, превращаясь в образы козы, овцы, а с повязанными лоскутками — в образ человека (куклу) без обозначения пола и возраста [26, с. 237, 244]. Астрагалы как основа кукол известны у многих народов мира. В рассматриваемых захоронениях детей 4–9 лет присутствие игрушек в виде астрагалов вполне обосновано, так как именно в этом возрасте дети в традиционных обществах начинают привлекаться к общественному труду в соответствии с их полом, а игры при этом способствовали получению навыков производственно-хозяйственной деятельности мальчиками и усвоению внутрисемейных и внутриродовых отношений девочками [26, с. 240].

Роль своеобразных оберегов выполняли найденные в детских захоронениях крупные бусы черного цвета с глазками (рис. 5: 14), монохромные стеклянные бусы и бисер, преимущественно синего, голубого и желтого цветов (рис. 2: 4–13; 4: 22–25). Черные бусы с глазками в традиционных обществах воспринимались в качестве наилучшей защиты от глаза и злой магии [13, с. 126; 27, с. 113; 28, с. 135]. Синий, голубой, желтый цвет присутствующих в погребении бус входит в единый семантический ряд, обозначающий и символизирующий важнейшие элементы космогонии у многих народов, обеспечивающих плодородие — небо и солнце [29, с. 80]. Поэтому в традиционных обществах украшения желтого и голубого цветов считались оберегами. В частности, отдельные голубые бусины, браслетики из голубого бисера при ребенке у многих народов рассматривались как защита от злых сил и сглаза [7, с. 216; 13, с. 122; 27, с. 114; 30, с. 170], а бусы желтого цвета должны были уберечь ребенка от желтухи [28, с. 135].

Погребения детей подросткового возраста (10–14 лет) отражаются от рассмотренных выше большим разнообразием погребального инвентаря, который по составу уже не отличается от инвентаря умерших взрослых мужчин и женщин (табл. 1). Так, на пример, в костюме девочки-подростка из кат. № 2 (погр. 4) ВСМ-I присутствует бронзовая «рогатая» пряжка [31, с. 262, рис. 2: 17]. По нашим наблюдениям, «рогатые» пряжки входили в костюм верхнесалтовских женщин в возрасте от 9–13 (девушки-

Катакомба № 29

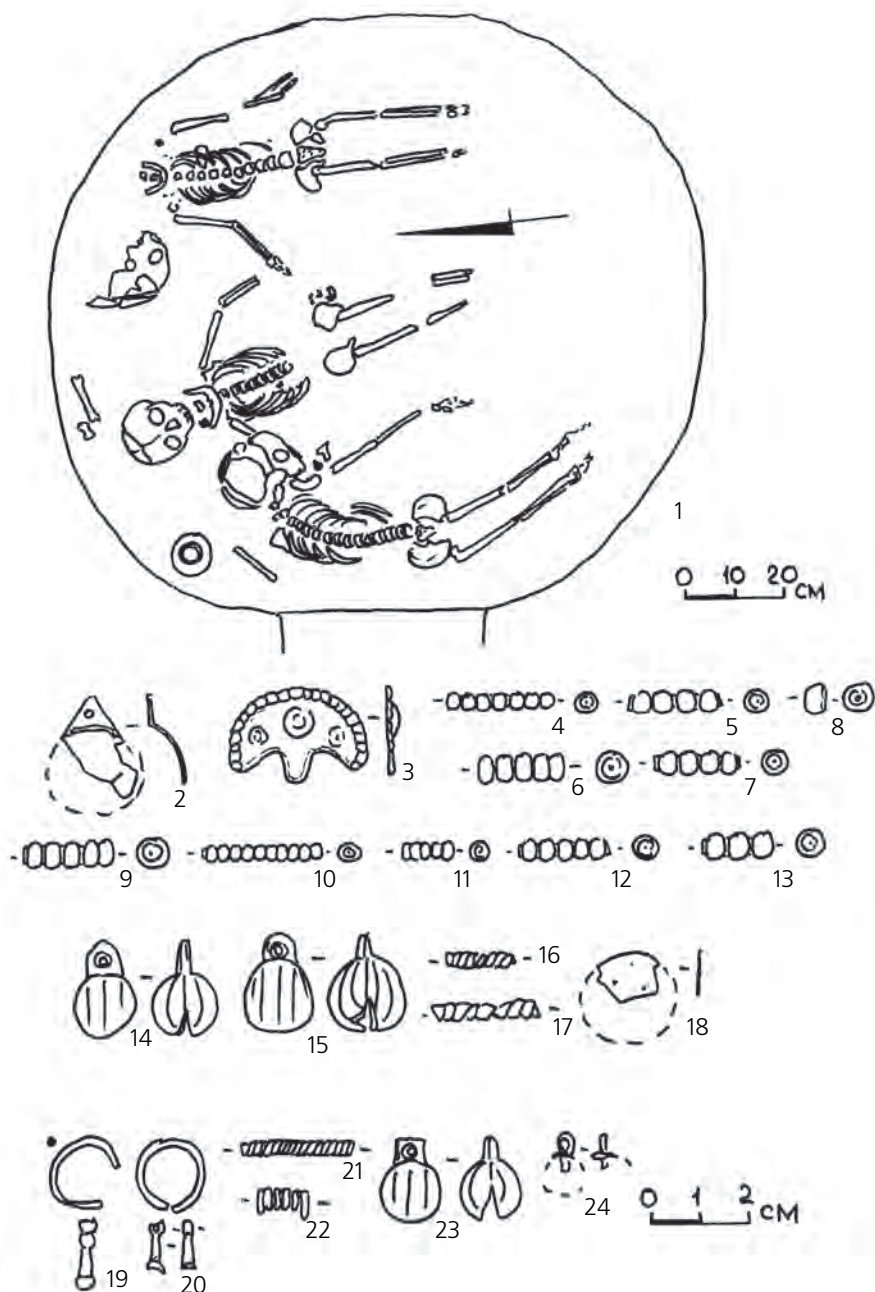

Рис. 2. Катакомба № 29 ВСМ-IV:

1 – план погребальной камеры; 2–13 – инвентарь погр. № 1; 14–18 – инвентарь погребения № 2; 19–24 – инвентарь погребения № 3

Fig. 2. Catacomb No. 29 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV:

1 – a plan of the burial chamber; 2–13 – inventory of the burial No. 1; 14–18 – inventory of the burial No. 2; 19–24 – inventory of the burial No. 3

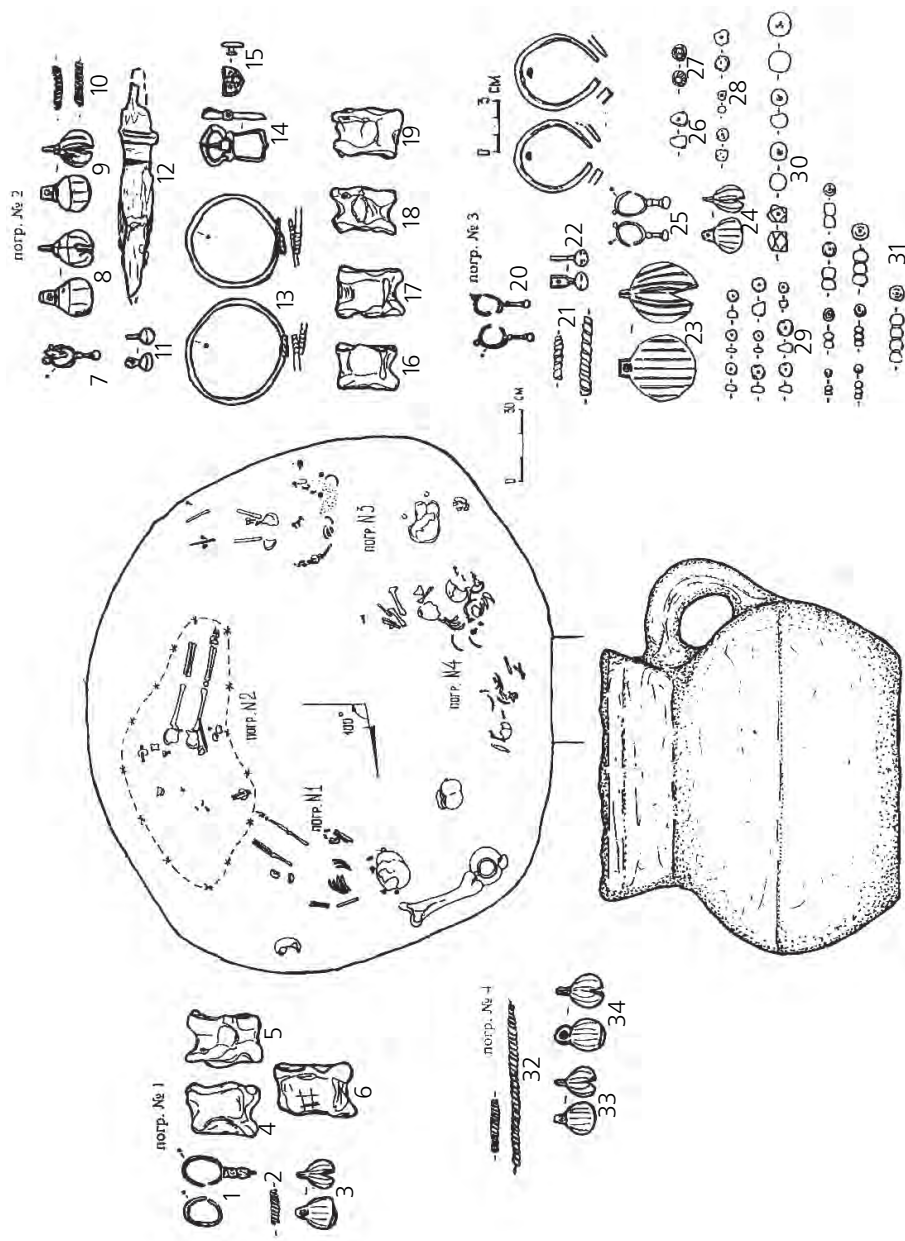

Рис. 3. Катакомба № 72 ВСМ-IV:

1–6 – инвентарь погр. № 1 (девочка 2–3 лет); 7–19 – инвентарь погр. № 2 (мальчик 3–5 лет); 20–31 – инвентарь погр. № 3 (девочка 3–5 лет); 32–34 – инвентарь погр. № 4 (ребенок 3–5 лет)

Fig. 3. Catacomb No. 72 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV:

1–6 – inventory of the burial No. 1 (a girl of 2–3 years old); 7–19 – inventory of the burial No. 2 (a boy of 3–5 years old); 20–31 – inventory of the burial No. 3 (a girl of 3–5 years old); 32–34 – inventory of the burial No. 4 (a child of 3–5 years old)

Катакомба 99
погр. 2

Рис. 4. Инвентарь погр. № 2 катакомбы № 99 ВСМ-IV (мальчик 4–6 лет)

Fig. 4. Inventory of the burial No. 2 of the catacomb No. 99 of Verhne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV (a boy of 4–6 years old)

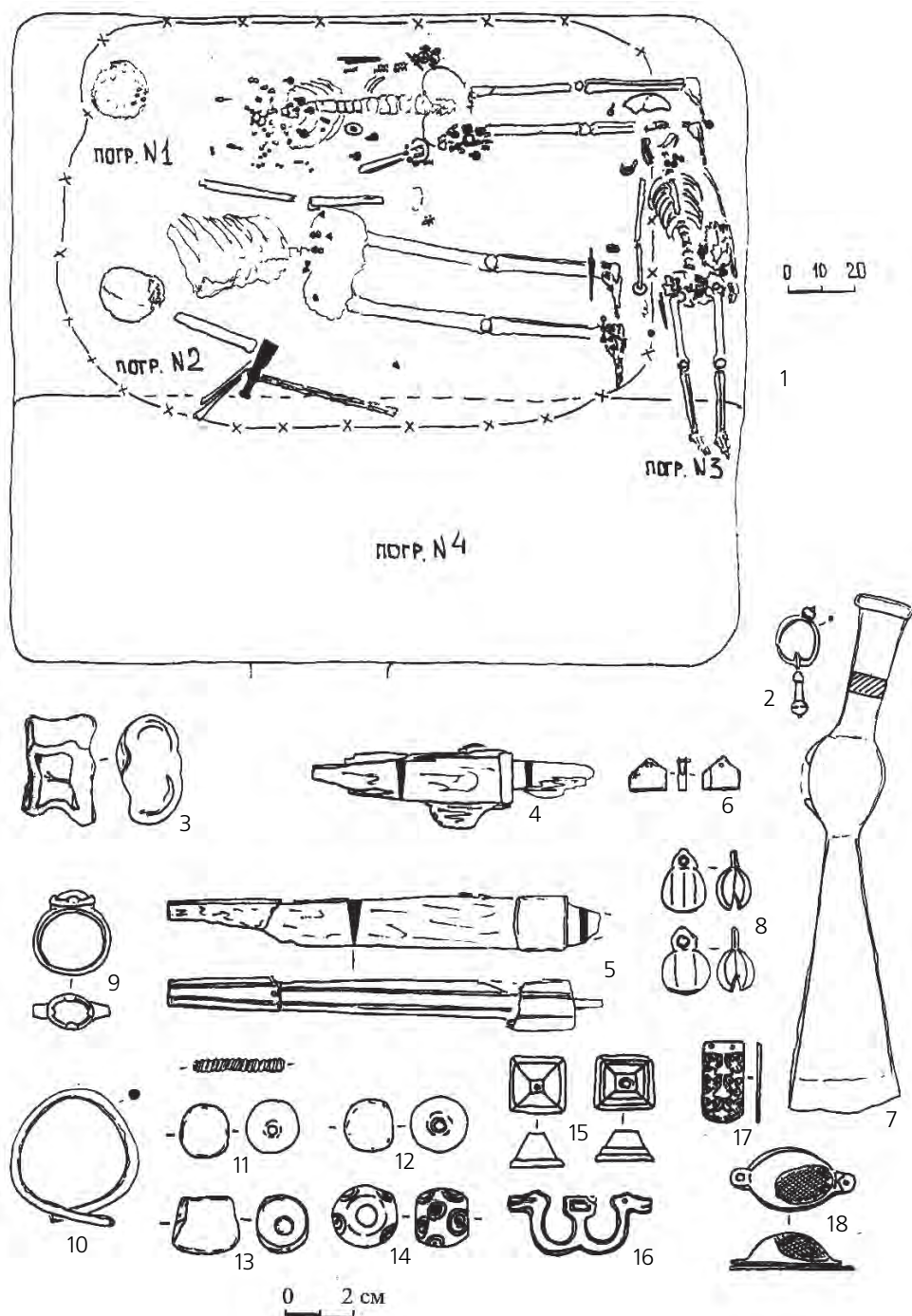

Рис. 5. Катакомба № 96 ВСМ-IV:

1 – план погребальной камеры; 2–18 – инвентарь погр. № 3 (мальчик 5–7 лет)

Fig. 5. Catacomb No. 96 of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) burial – IV:

1 – a plan of the burial chamber; 2–18 – inventory of the burial No. 3 (a boy of 5–7 years old)

невесты) до 30–35 лет, и выступали зрительным атрибутом костюма девушек, достигших брачного возраста, молодых не рожавших еще женщин и женщин-матерей, находящихся еще в детородном по меркам раннего средневековья возрасте, ибо являлись символом Великой богини — подательницы жизни и благоденствия, прародительницы всего живого, связанной с идеей плодородия и изобилия [32, с. 28–42].

В целом археологические материалы катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса подтверждают существовавшее у аланского населения Подонцовья деления детей на возрастные группы, различающиеся по степени социальной включенности в общество, характерное для многих традиционных культур. Эта же тенденция прослеживается в детских захоронениях Верхне-Салтовского археологического комплекса, совершенных в дромосах катакомб (9 погребений) [33, с. 219–230], в ямах с подбоем (9 погребений) и в простых грунтовых ямах (18 захоронений) [34, с. 429–436]. Так, погребение младенца в дромосе кат. № 64 ВСМ-IV было безынвентарным, тогда как костяк ребенка 3–4 лет (кат. № 6 ВСМ-I) сопровождался уже 2 бубенчиками, выполнявшими роль пуговиц и оберегов от злых духов одновременно. Останки ребенка 6–8 лет (кат. № 24 ВСМ-III) сопровождал более многочисленный набор вещей: серьги, три бубенчика, бляшка-нашивка на головную повязку, две бусины, бронзовый амулет, спиралевидные пронизи.

К следующей возрастной группе — подростков (10–14 лет) — принадлежат покойницы из дромосов кат. № 58 и № 59 ВСМ-IV. Первую девочку-подростка, помимо личных украшений (бляшка-нашивка на налобную повязку, бусы, спиралевидные пронизи, бубенчик), сопровождал крупный столовый горшок-ваза, часть кружки и остатки мясной заупокойной пищи [35, с. 98–114]. Вторая девочка-подросток была уложена подстилку из древесного угля (символ дома/домашнего очага), что характерно для погребений супружеских пар в погребальных камерах катакомб [36, с. 202]. К тому же ее сопровождали два перстня. Все это указывает о приближении умершей девочки к брачному возрасту. По этнографическим данным у осетин в конце XIX в. готовыми к вступлению в брак считались девочки 14–16 лет [16, с. 187; 37, с. 17], а в древности этот возраст был еще ниже. Так, у большинства народов Северного Кавказа минимальным брачным возрастом для девочек был — 12–14 лет, а по шариату — 9 лет [38, с. 123].

Таким образом, инвентарь детских погребений из катакомбных могильников Верхне-Салтовского археологического комплекса свидетельствует о существовании у аланского населения салтово-маяцкой культуры Подонцовья, как и у большинства народов мира [16, с. 196, 197; 39, с. 29; 40, с. 58, 63; 41, с. 93], разделения детей на три группы: до 3–4 лет (дети младшего возраста), 4–8/10 лет (дети старшего возраста) и 10–14 лет (подростки).

Нами была предпринята попытка проследить находит ли отражение имущественное и социальное положение родителей в захоронениях их детей.

Интерес к социальной структуре салтово-маяцкого населения возник одновременно с открытием культуры. В настоящее время существует две основные точки зрения на классовый состав салтовского общества. Одну из них предложила С. А. Плетнева, выделив по результатам исследования катакомбных захоронений Дмитриевского могильника несколько групп погребений [36, с. 272–282]. Эти группы, по мнению исследовательницы, отражали иерархическую структуру общества, в котором главными были два класса: один из них составляли земледельцы, ремесленники, беднейшие кочевники, второй — всадники, представляющие родовую аристократию. Дальнейшее развитие данная точка зрения получила в ряде работ Г. Е. Афанасьева [42, с. 131–143; 43, с. 14–50]. Исследователь отождествил мужчин относящихся к 1 рангу с термином алдар (первоначальное значение — «военный предводитель»), а мужчин 2 ранга — с термином афсад («войско», «масса»). При этом Г. Е. Афанасьев отмечал, что свободные общинники (афсад) не были одинаково равны, как, к стати, и представители

группы алдар, и что принадлежность мужчин к тому или иному рангу зависела от места, которое он занимал в системе воинской организации общества [42, с. 135, 137]. При этом, имущественное и социальное положение женщины определялось, соответственно, положением ее мужа или ее отца, т. е. семьи/рода.

Другая точка зрения на социальный состав салтовского общества представлена в докторской диссертации В. К. Михеева [44, с. 336–343]. Проанализировав материалы Верхне-Салтовского катакомбного могильника, исследователь пришел к выводу о возможности выделения трех общественных групп — бедняки (43,7 %), рядовые земледельцы-ремесленники (34,2 %), военная аристократия (22,1 %). При этом В. К. Михеев считал, что для значительной части салтовского населения социальное положение индивидуума определялось уже в момент рождения, его наследственной принадлежностью к определенной общественной группе, а социальная подвижность внутри иерархической структуры изучаемого общества была ограниченной [44, с. 339].

Материалы погребений из катакомбных могильников Верхнего Салтова показывают, что в целом инвентарь детских погребений достаточно однороден. Лишь в единичных случаях количество и качество вещей при умершем ребенке указывает на принадлежность его родителей, а, следовательно, и его самого к имущественной и социальной верхушке общества. Для примера можно сравнить инвентарь, сопровождавший детей одной возрастной группы, из разных захоронений. Так, мальчика из кат. № 72 (погр. № 2) ВСМ-IV сопровождали: одна сережка, литая пуговица, пять спиралевидных пронизок, два проволочных браслета, два литых бубенчика, поясная пряжка и четыре поясных бляшки, нож, четыре астрагала (рис. 3: 7–19) [45, с. 290, рис. 2: 7–19]. Несколько богаче был инвентарь, сопровождавший умершего мальчика из кат. № 96 (погр. № 3) (рис. 5: 2–18), среди которого выделяется серебряный штампованный наконечник пояса, перстень и миниатюрный топорик-чекан. Мальчик из кат. № 99 (погр. № 2) ВСМ-IV отличал еще более разнообразный набор вещей [46, с. 356–359, рис. 2]. При нем были обнаружены: серебряная сережка, две штампованные пуговицы, тринадцать литых бубенчиков, проволочный браслет, пряжка-пуговица из раковины, костяной амулет из клыка животного, бронзовый амулет-клык, амулет из камня, подвеска в виде круглой пластины с крупным отверстием по центру и мелкими отверстиями — вокруг крупного отверстия, бронзовый литой крестик-тельник, литая подвеска в виде лошадки, две подвески-печатки, 10 спиралевидных пронизей, костяное кольцо, дарохронительница, две подвески в виде вертикально соединённых разнонаправленных полумесяцев, 5 бусины, нож, два астрагала, детали поясной гарнитуры (фрагмент поясной пряжки, 35 серебряных штампованных бляшек, серебряный штампованный наконечник), украшения ремешков обуви (шесть серебряных штампованных бляшек и четыре серебряных штампованных наконечника) (рис. 4). Присутствие в инвентаре данного захоронения бронзовой подвески в виде лошади (рис. 4: 14) может указывать на принадлежность мальчика к семье, представители которой составляли воинскую верхушку общества [47, с. 120]. Это подтверждается и тем, что он был погребен в одной камере с мужчиной, которого сопровождал богатый поясной набор и достаточно редкий для аланских катакомбных захоронений Подонцовья предмет как сабля — атрибут конного воина [46, с. 356, рис. 1: 1].

Подобная ситуация прослеживается и в погребениях девочек. Например: умершую девочку из кат. № 17 (погр. № 2) ССМ сопровождали три полусферические штампованные бляшки, две круглые бляшки-нашивки на головную ленту, пряжка-пуговица из раковины, россыпь мелких стеклянных бус, пять литых бубенчиков, проволочный браслет [48, рис. 4: 18, 19, 21, 22]. Такой набор украшений является типичным для представительниц рядового салтовского населения. При умершей девочке того же возраста из кат. № 119 (погр. № 2) ВСМ-IV были найдены две бронзовые сережки, две бляшечки-нашивки на головную ленту, изготовленные из обрезанных в кружок серебряных монет¹, одиннадцать стеклянных бусин, три литых бубенчика, две крупные черные бусины

с глазками, два амулета с «соколиными» головками. Присутствие в данном захоронении нашивок изготовленных из серебряных монет, а не простых бронзовых пластинчатых кружочков, указывает на высокий имущественный и социальный статус семьи данного ребенка. Что подтверждают личные украшения и набор амулетов погребенной в этой же камере женщины 20–25 лет [49, с. 24–26, рис. 49–58]. Женщину сопровождал богатый набор украшений, среди которого выделяется монисто, включавшее в себя 10 серебряных монет, превращенных в подвески, восемь бронзовых браслетов, семь перстней, один из которых был серебряный, и бронзовая шейная гривна — атрибут социальной верхушки у многих народов юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

В целом состав инвентаря детских погребений катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса свидетельствует про относительное имущественное равенство семей, в состав которых входили умершие дети. Лишь в единичных случаях можно говорить, что ребенок происходил из привилегированной семьи /рода. Все это позволяет говорить о присутствии в верхнесалтовской общине двух групп населения: рядовых общинников и незначительной по численности социальной и имущественной верхушки общества. При этом социальное положение отдельных малолетних индивидуумов определялось уже в момент их рождения. Разное количество личных украшений и амулетов в захоронениях детей одной возрастной группы, скорее всего, иллюстрирует тенденции, когда количество данных вещей в большей степени зависело от состояния здоровья конкретного ребенка и количества детей у его родителей. Единственного ребенка в семье, или часто болеющего ребенка сопровождает большее число самых разнообразных украшений-оберегов, которые по этнографическим данным иногда носились до старшего подросткового возраста/возраста вступления в брак (15–18 лет) [17, с. 183].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Традиционное* мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. — Новосибирск, 1989.
2. *Грачева Г. Н.* Социализация детей и подростков в традиционном обществе нганасан // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
3. *Аксенов В. С.* Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. — 2002. — № 3.
4. *Алексеев Е. А.* Ребенок и детство в культуре кетов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
5. *Соколова З. П.* Пережитки религиозных верований у обских угров // Сборник МАЭ. — 1971. — Т. 27.
6. *Федорова Е. Г.* Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
7. *Бутанаев В. Я.* Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
8. *Холмич Л. В.* Обычаи и обряды, связанные с детьми, у ненцев // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
9. *Мишина Т. Н.* Социальный аспект изучения интрамуальных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. — 2010. — Вып. 224.
10. *Аксенов В. С.* Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV могильника в 1998 г. Харьков, 1999 // Архив ХИМ.
11. *Бородулин В. Г.* Отчет о раскопках Старо-Салтовского катакомбного могильника и кургана, расположенного на землях колхоза «Березовский» Харьковского района в 1982 году. Харьков, 1982 // Архив ХИМ.

¹ Одна монета — дирхем, Ифрикия, с именем наместника Хартама (Харзама), 796/797 г. н. э., вторая монета — дирхем, Мадинат ас-Салам, с именем «ал-Махди», 782 г. н. э. Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность Е. М. Ламбергу (г. Одесса) за атрибуцию монет.

12. *Аксёнов В. С.* Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. Харьков, 2010 // Архив ХИМ.
13. *Абрамзон С. М.* Рождение и детство киргизского ребенка // Сборник МАЭ. — 1949. — Т. 12.
14. *Чесноков Ю. В.* Некоторые аспекты традиционного воспитания детей в культуре оленных чукчей и коряков // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
15. *Вебер-Келлерман И.* Обряды жизненного цикла и социальная стратификация Семья и детство // СЭ. — 1988. — № 6.
16. *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. — М., 1968.
17. *Васильева Г. П.* Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. — М., 1986.
18. *Аксёнов В. С.* Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. — Х., 2013.
19. *Бородулин В. Г., Пархоменко О. В.* Отчет о раскопках Верхнесалтовского и Рубежанского катакомбных могильников, расположенных на территории колхоза «Украина» Волчанского района Харьковской области в 1987 году. Харьков, 1987 // Архив ХИМ.
20. *Иерусалимская А. А.* Кавказ на шелковом пути: Каталог временной выставки. — СПб., 1992.
21. *Аксенов В.С.* Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. — 2001. — № 1–2.
22. *Аксёнов В. С.* Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2011 г. Харьков, 2012 // Архив ХИМ.
23. *Дьяконова В. П.* Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгиров // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
24. *Иванов С. В.* О детских «амулетах» нанайцев // Сборник МАЭ. — 1977. — Т. 33.
25. *Решетова И. К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. — 2012. — № 3.
26. *Павлинская Л. Р.* Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. — Л., 1988.
27. *Столба В. Ф.* Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. — 2009. — № 2.
28. *Троицкая А. А.* Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана // СЭ. — 1935. — № 6.
29. *Усманова Э. Р., Ткачев А. А.* Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских погребений) // ВДИ. — 1993. — № 2.
30. *Серебрякова М. Н.* О некоторых представлениях, связанных с семейно-обрядовой практикой сельских турок // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. — М., 1980.
31. *Хоружая М. В.* Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. — Донецк, 2009. — Т. 7.
32. *Хоружая М. В.* «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // ВХУ. — Х., 2009. — № 852: Історія. — Вип. 41.
33. *Хоружая М. В.* Попытка интерпретации погребений в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. — Воронеж, 2012.
34. *Хоружая М. В.* Ямные захоронения Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали ІІІ Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С. Н. Братченка. — Луганськ, 2012.

35. Аксёнов В. С. Сидяче поховання з аланського катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів // Археологічний літопис Лівобережної України. — 2003. — № 2.
36. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
37. Магомедов А. Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. — Орджоникидзе, 1962.
38. Смирнова Я. С. Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы советской власти // СЭ. — 1973. — № 1.
39. Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. — Л., 1988.
40. Балушок В. Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // ЭО. — 1993. — № 4.
41. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. — М., 1991.
42. Афанасьев Г. Е. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. — 1993. — № 4.
43. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. — М., 1999.
44. Михеев В. К. Экономика и социальные отношения у населения Хазарского каганата (вторая половина VIII — середина X вв.: Дис. ... докт. ист. наук. Харьков, 1984.
45. Аксёнов В. С., Хоружая М. В. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника // Древности, 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2005.
46. Аксёнов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2010. — Вып. IV.
47. Ковалевская В. Б. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978.
48. Аксёнов В. С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antiqua. — 1999. — № 2.
49. Аксёнов В. С. Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2013 году. Харьков, 2014. // Архив ХИМ.

Резюме

Хоружая М. В. Дитячі поховання з катакомб Верхньо-Салтівського археологічного комплексу (спроба статевої, вікової та соціальної інтерпретації)

В роботі проаналізовані матеріали 85 дитячих поховань з 61 катакомб, що були досліджені на могильниках Верхньо-Салтівського археологічного комплексу (Рубіжанському, Старосалтівському некрополях, трьох ділянках могильника біля с. Верхній Салтів). Матеріали поховань показують існування у аланського населення Верхнього Салтова розподілу дітей на три групи: до 3–4 років (діти молодшого віку) 4–8/10 років (діти старшого віку) та 10–14 років (підлітки). Цей поділ знаходить своє відображення у складі інвентарю поховань дітей різних вікових груп. За своїм складом інвентар був пов'язаний зі ступенем входження дітей до соціального, суспільного та господарського життя. В усіх похованнях дітей присутні речі, котрі виконували роль амулетів-оберегів. Різна кількість таких речей в похованнях дітей однієї вікової групи пов'язана зі станом здоров'я дитини та кількості дітлахів у його родині. Інвентар поховань дітей свідчить, що в верхньосалтівській громаді присутні дві групи населення: рядові общинники та незначна за чисельністю соціальна та майнова верхівка суспільства.

Ключові слова: Верхньо-Салтівський могильник, дитячі поховання, поховальний інвентар, алани, амулети.

Резюме

Хоружая М. В. Детские погребения из катакомб Верхне-Салтовского археологического комплекса (попытка половозрастной и социальной интерпретации)

В работе проанализированы материалы 85 детских погребений из 61 катакомбных захоронений могильников, входящих в состав Верхне-Салтовского археологического комплекса (Рубежанского, Старо-Салтовского могильников и трех участков некрополя у с. Верхний Салтов). Данные материалы показали существование у аланского населения Верхнего Салтова, как и у большинства народов мира, разделения детей на три группы: до 3–4 лет (дети младшего возраста), 4–8/10 лет (дети старшего возраста) и 10–14 лет (подростки). Это находит отражение в составе инвентаря детских захоронений разных возрастных групп, который зависел от степени включенности детей в социальную, общественную и производственную жизнь общества. Для всех детских погребений характерно присутствие вещей, выполнявших роль оберегов-амулетов. Разное количество амулетов в захоронениях детей одной возрастной группы зависело от состояния здоровья конкретного ребенка и количества детей у его родителей. Состав инвентаря детских захоронений позволяет говорить о присутствии в верхнесалтовской общине двух групп населения: рядовых общинников и незначительной по численности социальной и имущественной верхушки общества.

Ключевые слова: Верхне-Салтовский могильник, детские погребения, погребальный инвентарь, аланы, амулеты.

Summary

M. Khoruzhaya. Children's Graves from Catacombs of Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) Archaeological Complex (an Attempt of Age-sex and Social Interpretation)

In this paper we analyzed the materials of 85 children's graves from 61 catacomb ground burials, which belong to Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) archaeological complex (Rubezhanskyi, Staro-Saltovskiy (Old Saltovskiy) burials and three participants of necropolis near the village Verchnii Saltov (Upper Saltov). These materials have shown the existence of a population of Alani of Verchnii Saltov (Upper Saltov), likewise most nations of the world have division of children into three groups: 3–4 years (young children), 4–8/ 10 years (older children) and 10–14 years (teenagers). This is reflected in the composition of the inventory of children's graves of different age groups, which depended on the degree of the social, public and industrial involvement of the children. All children's graves are characterized by the presence of things, which served as talismans, amulets. Different number of amulets in the children's graves of the same age group depended on the health of the child and the number of children in his family. The composition of the inventory of children's graves suggests the presence of two population groups in the Verchne-Saltovskiy (Upper Saltovskiy) community: commune and insignificant number of social and property top of society.

Key words: Verchne-Satovskiy burial, childrens burials, funeral inventory, alans, amulets.

